

Ирина Верехтина

Исполнение желаний

Маленькая повесть

Ирина Верехтина
Исполнение желаний

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Верехтина И.

Исполнение желаний / И. Верехтина — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Игорь мог поклясться, что когда он садился на скамейку, телефона там не было. Сотовый появился словно из ниоткуда - странной формы, изогнутый в середине и утолщённый по краям. Удобно лёг в ладонь, словно говоря: «Возьми меня, и я стану твоим! Хочешь?» Игорь хотел. Телефон приковывал взгляд, словно светился изнутри тёплым розовым светом, излучая спокойную уверенность, которой так не хватало Игорю...

Содержание

Телефон цвета земляники	5
Детство на скамейке	6
Корешковый синдром	8
В тихой заводи	9
Хорошее	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Телефон цвета земляники

Этот странный телефон цвета незрелой земляники Игорь нашёл на Яузском бульваре – излюбленном месте его прогулок. Игорь мог поклясться, что когда он сел на скамейку, телефона там не было. Сотовый появился словно из воздуха – странной формы прямоугольник бледно-розового цвета, изогнутый в середине и утолщенный по краям. Игорь оглянулся, но никого не увидел.

Сотовый удобно ложился в ладонь, словно говоря: «Возьми меня, и я стану твоим! Хочешь?» – Игорь хотел. Телефон приковывал взгляд, словно светился изнутри тёплым розовым светом, излучая спокойную уверенность, которой так не хватало Игорю. . . Но телефон был чужим, и Игорь терпеливо ждал, когда его хозяин или хозяйка обнаружит пропажу и вернётся.

За сотовым никто не пришёл, и прождав полтора часа, Игорь уехал домой.

Всю неделю он приходил в сквер и подолгу сидел на скамейке, держа в руке телефон, который, казалось, стал ярче и теперь был сочно-розовым. Или это ему казалось? Игорь разглядывал сотовый, баюкая его на раскрытой ладони и ощущая исходящее от него мягкое тепло. Так же тепло было у Игоря на душе. Он больше не чувствовал одиночества, мысли были радостно-светлыми и обещали что-то хорошее, что непременно должно случиться.

Никто к нему не подходил, никто ни о чём не спрашивал – люди спешили по своим делам, не проявляя интереса к розовому сотовому. Телефон так и остался у Игоря.

Доступ к сети был свободным – ни тебе пин-кода, ни тебе блокировки, ни запрета на исходящие. Звони кому хочешь! От прежнего хозяина на счету остались деньги – около ста рублей. Но Игорь никому не звонил и каждый день ждал, что сотовый проснётся и обязательно затренькает. Игорь узнает у звонившего адрес владельца и вернёт дорогую красивую игрушку законному хозяину.

Сотовый упрямо молчал. Игорю нравилось держать его в руках – от телефона шло мягкое тепло, согревая ладонь, корпус поблёскивал и неожиданно вспыхивал весёлыми искрами словно подмигивая Игорю, розовые кнопочки ярко светились и словно просили: «Позвони!» Вот только звонить было некому: не было у Игоря друзей. То есть, они были, когда он учился в школе, а потом в институте, но с тех пор прошло десять лет. Десять лет его единственным другом был кардиостимулятор. Кому интересно дружить с инвалидом?

Да и как с ним дружить? Ему не только двигаться, ему даже волноваться нельзя. Игорь родился с пороком сердца и не знал, что это такое – играть в прятки, салочки и казаки-разбойники, гонять мяч на пустыре до темноты, кататься на лыжах и лететь сломя голову на санках с крутой горы. Ещё ему было нельзя бегать, можно только ходить, да и то – не торопясь. Но кто же в детстве ходит? Кто – не торопится?

Детство на скамейке

Детство Игорь просидел на скамейке – толстый неулыбчивый мальчуган с вечной книжкой в руках. Одноклассникам пришлось по душе его добродушие и неизменная готовность помочь. Если не получалось или не было времени сделать самому, всегда можно было списать у Игоря. По литературе и русскому языку он был первым, так как обладал великолепной памятью и врождённой грамотностью. Стоит ли говорить, что сочинения Игорь писал лучше всех, и классная руководительница читала их всему классу с такой гордостью, словно Игорь был её сыном.

Словом, в классе Игоря уважали. Но как только кончался последний урок, все разбежались кто куда, и Игорь оставался один. Он даже в кино ходил один, потому что одноклассники бежали вприпрыжку, болтая и смеясь, а у Игоря вприпрыжку не получалось: сердце немедленно начинало частить, перед глазами плавали серые сумерки. Приходилось останавливаться. Остальные убегали вперёд, и он уже не мог их догнать... Поняв, что для него нет места в весёлом и шумном мире ровесников, Игорь придумал для себя другой мир.

Он не умел бегать и прыгать, зато он умел мечтать. Вот если бы стать художником! Он бы нарисовал тенистый от берёз и тополей школьный двор, ребят, азартно гоняющих мяч, и прыгающих в «классики» девчонок. Славку Митяева из пятнадцатой квартиры (где он теперь, Славка?) Черноволосую Лилу Альмухамедову с глазами в пол-лица. Смешливую Леночку Красникову, от улыбки которой у Игоря становилось светло на душе. Похожую на куклу Юленьку Жаркову с пышными бантами в косах – самую красивую девочку школы. Так сказал директор школы, и все учителя с ним согласились.

Юля училась на пятёрки и могла бы поступить в вуз, но решила иначе: окончила педагогическое училище и вернулась в свою школу – учительницей младших классов. Директор школы звал её Юлечкой Евгеньевной, а Юлины ученики гордились тем, что у них самая красивая учительница, и учились на четвёрки и пятёрки, на радость родителям.

Игорь нарисовал бы, как Юля ведёт урок, а дети внимательно слушают – руки сложены одна на другой, в глазах обожание... Целый цикл картин о школе написал бы Игорь, если бы умел рисовать. Жаль, что он не умеет.

Или вот что! Он сочинит музыку! Цикл песен на стихи Риммы Казаковой и Марка Лисянского, которые сами ложатся на музыку. Его песни станут шлягерами или, как сейчас говорят, хитами. И бывшие одноклассники будут говорить: «Слышали последний хит Игоря Кашина? Мы с ним в одном классе учились! Игорь вообще – парень что надо, и музак сочиняет суперский!»

Но в музыкальной школе класс композиции был факультативным, и дальше основ гармонии дело не шло. А отделение композиции в музыкальном училище так и осталось мечтой. И никто не узнал, что он всё-таки написал цикл романсов на стихи Есенина. Игорь боялся, что одноклассники будут над ним смеяться – кому сейчас нужен Есенин? Мама Игоря слушала романсы и смахивала со щёк слезинки. Музыка была живой, настоящей, и очень подходила к стихам.

Собравшись с духом, Игорь отправил романсы на адрес филармонии ценным письмом, предлагая для исполнения Людмиле Зыкиной и Тамаре Синявской. К его удивлению, обе знаменитые певицы откликнулись... и посоветовали обратиться к другим исполнителям, так как у них уже имелся репертуар, менять который не представлялось возможным. «Настоящая музыка» так и осталась в нотной тетради – никем не услышанной. Мечта не сбылась.

А ещё Игорь писал стихи. Это была его тайна, о которой не знала даже мама. Стихи были о любви, ожидании счастья и пустоте одиночества. Игорь не мог сказать, плохие они или хоро-

шие: их ведь никто не читал. Впрочем, Игорь понимал, что его стихи далеки от совершенства. Но как ещё он мог выразить то, что чувствовал?

Одиночество не тяготило Игоря, он к нему привык. И мечтать привык. О том, как однажды изобретёт что-нибудь необыкновенное и подарит людям. Мечты были солнечно-радостными и окрыляли. Действительность опускала на землю.

В институте он проучился четыре года. С пятого курса пришлось уйти: сердце подвело. Пришлось лечь в больницу. Кардиостимулятор имел батарейку, с которой был соединён тонким проводом, идущим к сердцу по вене. Игорь вырос, и длины провода стало не хватать, а извлечь его не получилось – провод врос в вену. Новый провод протянули через другую вену, а старый остался. «Теперь, если что, ставить некуда. Этот тоже вросёт» – неосторожно заметил хирург, стоя возле Игоря, который уже пришёл в себя и улыбался слабой улыбкой, радуясь, что всё закончилось, и он живой, и теперь будет жить долго-долго. После слов врача улыбаться Игорь перестал. Значение словосочетания «если что» объяснения не требовало...

Корешковый синдром

После операции вопрос об учёбе не стоял: любое переутомление может привести к неизвестным последствиям, как в один голос утверждали врачи. Впрочем, последствия были известны – остановка сердца и смерть, то самое пресловутое «если что». Из института пришлось уйти. Игорь устроился вахтёром в госпиталь, где работал сменами, сутки через трое. Платили немного, но вместе с пенсией по инвалидности ему хватало, он даже умудрялся откладывать деньги, хотел сделать маме сюрприз – подарить на пятидесятилетний юбилей кресло-качалку.

Но судьба, немилосердная к Игорю со дня его появления на свет, распорядилась иначе. За неделю до юбилея Алла Михайловна умерла – нелепо, почти трагически. В этот день она почувствовала себя неважно и, напуганная тревожными симптомами, отправилась в районную поликлинику, чтобы сделать кардиограмму. Кардиограмма оказалась в пределах нормы, как туманно выразилась врач. – «А что сердечко прихватило, так это не сердце, а остеохондроз. Так называемый корешковый синдром. У вас болит позвоночник, и боль отдаётся в нервных окончаниях. Сердце в порядке, а спину мы полечим, назначим лечебную гимнастику и магниты, я вам сейчас талончик к физиотерапевту дам, – успокаивающе говорила врач. И тревога улеглась.

Воспрянув духом и приободрившись, Алла Михайловна отправилась домой, стараясь не обращать внимания на боль: врач сказала, это не страшно, это пройдёт. Можно было доехать автобусом, но Алла Михайловна пошла пешком. Сердце у неё в порядке, а с болью она справится. Посидит в парке на скамеечке, подышит свежим воздухом и всё пройдёт. Алла Михайловна присела на скамейку... и умерла. Так и сидела мёртвая, и улыбалась – наступающей весне, кардиограмме «в пределах нормы» и тому, что у неё всё в порядке. Всё пройдёт. Прошло...

– Мгновенная смерть. Сердце остановилось, – сказал Игорю врач. От этих простых слов сердце Игоря тоже попыталось остановиться, но ему не дали. Воспрепятствовали. Заставили жить.

Игорь находил какое-то горькое удовлетворение в том, что мама больше не будет изводиться и волноваться за него, и когда его не станет, не будет о нём плакать. Она ничего не почувствовала, она даже не поняла, что умирает, – не успела понять. Теперь он навсегда остался один, думал Игорь, вертя в руках малиновый сотовый (вчера он был красным... А неделю назад – розовым. Или это ему показалось?) Ещё он думал о том, что – вот же незадача, телефон есть, а позвонить некому.

Через неделю Игорь отыскал телефонную книжку, которая пылилась в письменном столе за ненадобностью, и набрал несколько номеров. Как и следовало ожидать, на звонки никто не ответил. Длинные гудки убегали в пустоту и терялись там. Пустота не имела границ, вся его жизнь была – пустотой.

В тихой заводи

Никого. В его жизни никого нет и не будет, и не надо никому звонить, не стоит надеяться, что кто-то снимет трубку... Снимет трубку, поговорит пять минут, из вежливости, и попрощается, сославшись на дела.

А о чём с ним говорить? О кардиостимуляторе, который – не навсегда, и его придётся менять. А это – новая операция на сердце, которой Игорь ужасно боялся, но деться было некуда и сказать, что он боится, тоже было некому. Тогда о чём? О больнице, где он работал дежурным, сутки через трое? О сквере на Чистых прудах, о прекрасных лебедях, словно сошедших со страниц Ганса Христиана Андерсена, и о крикливых утках, которые каждый день устраивают потасовки, сводя какие-то свои, утиные счёты. Кому это интересно?

Поняв, что ему нет места в мире здоровых людей, Игорь придумал для себя другой мир, в котором сбылись его мечты. Друзей, с которыми было весело. И любимую, похожую на всех девчонок сразу. У неё были Лилины бездонные глаза, Юлины длинные косы и Леночкин неудержимый оптимизм...

В этом невзаправдашнем, иллюзорном мире он был счастлив. Добравшись до своей любимой скамейки на Чистопрудном бульваре, Игорь переводил дыхание – и мир возникал сам собой, появлялся из другого измерения, радуя солнечными тёплыми лучами даже в пасмурный день. Мир, в котором он был здоровым. Таким как все.

По аллее, кольцом огибавшей пруд, неспешным шагом прогуливались молодые счастливые мамы с колясками, в которых спали круглощёкие младенцы. Пруд словно тоже спал безмятежным сном в колыбели берегов, слегка покачиваемой ветром. Впрочем, ветер был осторожен, позволяя себе только мелкую рябь. По неподвижной, спокойно-сонной воде невесомо скользили белоснежные лебеди и задиристо крякали утки.

Казалось, само время, которое, как доказывает современная наука, невозможно остановить, – подчинялось царившему здесь безмятежному спокойствию, и не летело, – плелось нога за ногу, текло тягуче медленно, как стекает с ложки густое варенье. Время замирало в тихой заводи, медленно кружилось по спящей воде, как сорванные ветром листья. И так же, как листья, кружились мечты – и странным образом соединялись с реальностью.

...Вот бы придумать что-нибудь эдакое. Из области левитации или телепортации, о которых пишут фантасты. Летать, игнорируя силу тяжести. Или перемещаться в пространстве – силой мысли – в любое место на земле. Надо только представить это место, очень точно. Иначе телепортируешься мордой в забор, и хорошо, если это будет штакетник. А если... Игорь представил, как он телепортировался в бетонный забор – врезался, вмазался, долбанулся... что называется, размазался по стенке. И моментально вжился в роль...

Вокруг него хлопочут незнакомые люди, куда-то его несут, кряхтя и чертыхаясь, и бережно опустив на газон (поскольку до скамейки донести у них не получилось), изрекают: «Здоров же ты жрать, парень. Вон пузо какое наел, аж в заборе вмятина осталась. Слышь, парень? Ты как?» – «Да живой он! Моргает!» – «Он-то живой... А я, пока до газона его пёр, чуть не сдох!» Игорь хотел объяснить, что ест не так уж много, а избыточным весом страдает из-за сердца, и что ему нельзя делать зарядку, и вообще... Забормотал извинения и... встретил удивлённый взгляд проходившей мимо старушки. Виновато опустил глаза и сделал вид, что закашлялся.

Даже в мечтах его спасали чужие руки. А так хотелось, чтобы это были руки друзей. Хотелось общения. Но кто же станет тратить на него время? Сидеть с ним на лавочке и мечтать? Они не мечтали, они это – делали. «Телепорт» у них имелся с рождения – пара неутомимых быстрых ног, которые доставят своего обладателя куда угодно. А левитация... зачем она им, если есть роликовые коньки, на которых можно лететь, едва касаясь земли, – как пролетают

мимо него смеющиеся дети. Наверное, у них каникулы. Летят над аллеей, по птичьим раскинутым рукам, с замершим от восторга сердцем.

А ему, Игорю, никогда не прокатиться на роликовых коньках, не чужая под собою ног и радостно ощущая, как бьётся твоё запыхавшееся от счастья сердце.

Они могли прыгать с парашютом, кататься на лыжах с гор, летать на самолётах. Они могли – всё. И то, что для них было обыкновенным, обыденным, для него оставалось невозможным. Зарядка по утрам. Пробегка по парку. Ледяной душ, от которого хочется убежать – но ты не бежишь, стоишь, удивляясь самому себе и мужественно терпя обжигающий холод, словно насквозь пронизывающий тело и возвращающий тебе силы и бодрость, которых хватит на весь длинный день.

Они могли всё, а Игорю оставалось только мечтать. Он даже по специальности работать не мог: с его регулярными больничными листами и предписанным врачами сокращённым рабочим днём это было практически невозможно. Игорь работал в больнице, дежурным на проходной (с почти законченным филфаком, о чём ему было стыдно говорить, и он молчал). А свободные дни проводил на бульваре, который он очень любил.

Бывают такие необъяснимые привязанности, бзики или психозы – называйте как хотите – когда мы влюбляемся во что-то (или в кого-то), не имеющее к нам ни малейшего отношения (второй вариант – тяжелее и длительнее). И словно преступника совершившего недозволенное, нас тянет на «место преступления», хотя можно поклясться – мы не совершили там ничего, абсолютно ничего. Тянет – и всё тут. Необъяснимая привязанность. Магия места.

Игорь неспешно прогуливался по аллеям, присаживался на скамейку отдохнуть, подолгу стоял у пруда, уставясь взглядом в рябь на воде. И всё время чего-то ждал. Игоря не оставляло чувство, что с ним случится что-то хорошее – здесь, на бульваре. Надо только подождать. Набраться терпения и подождать. Так говорила ему мама. А ещё говорила, что когда ждёшь, надо думать о хорошем и строить планы на будущее. Причём непременно реальные. И тогда ожидание не будет скучным.

И Игорь старался думать о хорошем, хотя понимал, что это игра, некое соглашение с самим собой.

Хорошее

Хоть в чём-то ему повезло – в семи минутах неспешной ходьбы от дома зеленым оазисом раскинулся Чистопрудный бульвар. Налево убегала зелёная гирлянда бульваров: Сретенский, Рождественский, Петровский, Страстной, Тверской, Никитский, Гоголевский – до Пречистенской набережной, до Москвы-реки. Направо тянулись Покровский и Яузский бульвары – до самого Китай-города. Игорю нравился Яузский – бульвар сбегал вниз, и Игорь доходил до конца бульвара, не чувствуя привычной одышки, и мысленно говорил себе: «Если ты можешь столько пройти не задыхаясь, значит, ты здоров. Ты такой же, как все».

Игорь знал, что это неправда. Но ему нравилась эта игра, он ничего не мог с собой поделаться – по Яузскому бульвару он шёл в приподнятом настроении, а в голове звучали вальсы Штрауса – бравадно, торжественно, празднично-легко! (Игорь «слышал» музыку в партитуре, в оркестровом исполнении, слышать по-другому он просто не умел). Потом садился на скамейку и отдыхал, и с его лица не сходила улыбка. Насидевшись и намечтавшись вдоволь, шёл на трамвайную остановку и ехал домой, чувствуя себя неприлично счастливым и изо всех сил стараясь не улыбаться: в трамвае никто не улыбался, только он, как дурак... Игорь сжимал губы, но они не желали слушаться и упрямо растягивались в улыбку. Игорь отворачивался к окну... Вот же дурак! Идиот. С чего ему так весело? Если его об этом спросят, сможет ли он ответить?

Вот спросят его – как живёшь, чем занимаешься? Не рассказывать же о том, как он часами сидит на скамейке и мечтает о телепортации и левитации. Как возвращается домой на трамвае, потому что ему нельзя идти в горку, даже если подъём почти незаметен. Как проводит вечера у телевизора, в обществе приветливых дикторов и бесшабашных киношных героев, которые принимали жизнь в захлёт, колесили по странам и городам, расставались и встречались, влюблялись и ненавидели, мирились и ссорились, теряли и вновь обретали друг друга, и в конце концов всё у них складывалось как нельзя лучше, и Игорь улыбался, выключая телевизор: за них можно не переживать. Не станет же он об этом рассказывать... Ругая себя за малодушие и трусость, Игорь набрал рабочий телефон Валерки Разумовского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.